

Максим Момот

ВОЕННАЯ СИЛА И УПАДОК США

Неспособность американской армии выполнять свои обязательства в Ираке и постепенное восстановление сил талибаном в Афганистане порождает много вопросов. Почему самая сильная армия мира проигрывает слабым конкурентам? Почему она проигрывает, хотя и не несет катастрофических потерь? Почему основной конкурент Америки, Китай, усиливается, тратя на свою армию несоизмеримо меньше, чем Соединенные Штаты, и не ведя никаких войн?

ПЛАНИРОВАНИЕ

Общепринятой стала версия, согласно которой неудачи США в Ираке и Афганистане являются следствием недостаточной численности американских контингентов в этих странах. Решение президента Буша направить в Ирак дополнительные войска и заявление министра обороны Роберта Гейтса о необходимости увеличить численность американских вооруженных сил в целом на 92 тысячи человек свидетельствуют о преобладании данной точки зрения в Белом Доме.

В статье «Кризис людских ресурсов в американских вооруженных силах»¹ аналитик American Enterprise Institute Фредерик Кейган убедительно демонстрирует несоответствие возможностей нынешней американской армии тем задачам, которые ставит перед ней политическое руководство страны. Кейган показывает необоснованность надежд сторонников якобы произошедшей в информационную эпоху революции в военных делах (RMA, “revolution in military affairs”) на то, что информационные технологии и высокоточное оружие позволят победить противника на расстоянии, для чего больше не потребуются крупных сухопутных сил. Ставка на научные исследования и разработки в области военных технологий (R&D, research and development), по мнению эксперта, как раз и привела к нынешней печальной ситуации в Ираке. Дело в том, что высокоточное оружие позволяет лишь нанести серьезный ущерб армии противника, а для победы нужно еще

1 Frederick W. Kagan, “The U.S. Military’s Manpower Crisis”, *Foreign Affairs*, Vol. 85, No. 4 (July/August 2006): 97–110.

и оккупировать его территорию, чтобы не дать ему восстановить силы. Как раз с этой функцией американские вооруженные силы в их нынешнем виде и не справляются.

Анализ Кейгана выглядит убедительно, с военной точки зрения, чего, однако, нельзя сказать о политическом и общестратегическом аспектах проблемы. Ведь рецепт, который он предлагает, сводится к еще большему увеличению расходов на оборону, что, учитывая их нынешние грандиозные масштабы (США тратят на эти цели больше, чем все остальные страны мира, вместе взятые), представляется сомнительным решением. Если даже нынешний бюджет Пентагона не может обеспечить выполнение поставленных перед оборонным ведомством задач, значит, есть какой-то принципиальный изъян в самом долгосрочном военном планировании.

Представляется, что фундаментальный вопрос, касающийся американских вооруженных сил, не в том, делать ли ставку на увеличение ассигнований на задачи подготовки традиционных сухопутных войск или на R&D и RMA, то есть на создание высокоточного оружия, позволяющего вести дистанционную войну. Главная дилемма, видимо, в том, способна ли в принципе контрактная армия осуществлять значительные операции в масштабах страны или большого региона, включая оккупацию государств со значительной территорией и населением. Именно ответ на этот вопрос определил бы рамки, в которых эффективно могут применяться контрактные вооруженные силы, а значит, позволил бы понять, на что должен быть сделан основной акцент при их формировании.

Если контрактная армия ничем не хуже традиционных, сформированных по призыву, армий XX века, тех, например, которые участвовали в мировых войнах, то, очевидно, без мощной сухопутной составляющей, позволившей бы оккупировать территорию противника, не обойтись, и Фредерик Кейган прав. Если же контрактная армия в принципе не может выполнять тех задач, которые подразумевают участие в полномасштабной войне, то и большие расходы на ее сухопутные части представляются ненужными.

Собственно, ответ лежит на поверхности — никакой полномасштабной войны контрактная армия до сих пор не выиграла. Как только дело принимает серьезный оборот, вводится призыв. Во время Первой мировой войны английскому правительству удавалось делать ставку на добровольцев до 1916 года, но в конечном итоге призыв был неизбежен. Как показывает история, контрактная армия хороша для акций карательного свойства, для смены режимов в государствах со слабыми вооруженными силами, которые разбегаются при первом ударе, для давления. Но оккупировать обширную страну она неспособна, поскольку просто не может быть достаточно большой для этого, ведь добровольцам надо хорошо платить. Быть может, армия в 500–600 тысяч человек сумела бы установить контроль над Ираком и даже разбить формирования Муктады ас-Садра (и это было бы крайне трудно, учитывая недавний опыт боев даже призывной израильской армии с «Хезболлах» в Ливане). Так ли это, мы уже не узнаем, поскольку увеличение американского контингента в Ираке до такой численности при нынеш-

них настроениях американцев и невозможно, и ненужно. Об ограниченных возможностях американской армии говорит, в частности, тот факт, что Буш сегодня избегает прямо называть ас-Садра врагом США, поскольку понимает, что существующий американский контингент все равно не может справиться с тысячами бойцов шиитского лидера при их высокой мотивации. Для этого пришлось бы оккупировать шиитские районы страны, но такого количества военнослужащих у контрактной армии нет.

Проще говоря, локальные войны, которые американские вооруженные силы в их нынешнем виде не могут выиграть, лучше вообще не начинать. А в случае серьезной угрозы национальной безопасности без введения хотя бы частичного призыва все равно не обойтись. Кроме того, многочисленная контрактная армия дает политическому руководству слишком много соблазнов в силу как раз добровольного принципа своего формирования. Ведь посылать добровольцев на сомнительные операции — это одно, а призывников — другое. Политическая цена принятия таких решений серьезно отличается. Если бы предложения о значительном увеличении численности американских военнослужащих были к 2005 году реализованы Пентагоном, то возрастала вероятность начала кампании против Ирана, поскольку иракские дела в тот период казались более или менее урегулированными. И наоборот, неясно, начал бы Буш войну против Ирака в 2003 году, если бы для этого пришлось частично восстановить призыв.

Таким образом, существование небольшой контрактной армии повышает ответственность политического руководства страны в принятии решения о начале сколько-нибудь значимой войны, поскольку для этого пришлось бы частично восстановить призыв. Это крайне дорогостоящее, с политической точки зрения, решение может быть принято лишь в случае действительной необходимости.

Подобными соображениями объясняется, например, нежелание американского общества давать спецслужбам право пытаться подозреваемых в терроризме. Предполагается, что если будет вероятность получить таким образом действительно важную информацию о готовящемся теракте, офицер решится преступить закон в надежде на снисхождение суда. Но если бы пытки были разрешены, то выборочность их применения была бы сомнительной. Точно так же необходимость объявлять мобилизацию для начала войны удержала бы политиков от авантюризма, в то время как увеличение численности контрактной армии лишь создаст новые соблазны.

Вместе с тем, утверждение о том, что без мощной сухопутной составляющей вооруженные силы неспособны выиграть крупную войну, не вызывает сомнений. Видимо, сама мысль о будто бы произошедшей в военном деле радикальной революции, в значительной степени обесценившей традиционные сухопутные силы и придавшей кардинальное значение дистанционным методам ведения войны, связана с тем, что Соединенным Штатам просто не решается бросить прямой вызов ни одна крупная держава. Оставшиеся слабые режимы в странах Третьего мира действительно с большим или меньшим успехом могут быть свергнуты в результате каратель-

ной экспедиции контрактных воинских частей с применением наводящихся при помощи спутников ракет. Но что такие части и ракеты смогут сделать, например, в Китае? Без традиционной пехоты и танков эта кампания невозможна, а американские спутники, с которых наводится высокоточное оружие, китайцы могут просто сбить. Пекин недавно продемонстрировал такую возможность, сбив во время учений собственный метеоспутник. Добавим сюда систему ПВО и возможность ответного ядерного удара, пусть и ограниченного. В такой войне никакой революции не произошло, а карательные экспедиции против слаборазвитых стран Вашингтону удавались и в XIX веке.

Так называемая RMA имеет банальное объяснение — просто у слаборазвитых стран нет того высокоточного вооружения, которое есть у США, а также отсутствуют группировки космических войск и современная ПВО. Именно поэтому разгромить их с большой дистанции несложно. Но если бы в высокотехнологическом аспекте возможности были примерно равными, то последнее слово все равно оставалось бы за пехотой, танками и атомными бомбами. Революция не в том, что у американцев появилось новое оружие, а в том, что его пока нет у их противников. Такие «революции» в истории случались часто, однако в конце концов силы относительно выравнивались, чтобы потом вновь прийти в дисбаланс. Но оккупация территории противника все равно будет оставаться условием победы, и заниматься этим в любом случае будут сухопутные силы.

Что касается контрактной армии, она может решать (и решала всегда) лишь второстепенные задачи, не связанные с обороной страны от смертельного противника или навязыванием своей воли сильному государству. Здесь кроется ответ на вопрос, почему администрация Буша, по всеобщему признанию, не направила в Ирак достаточно войск для оккупации этой страны. Нанять по контракту столько людей невозможно, для этого пришлось бы провести частичную мобилизацию населения². А, учитывая, что иракскую кампанию, в отличие от афганской против талибов, укрывавших бен-Ладена, можно было вообще не начинать, вводить ради нее призыв было нельзя по внутривосточным соображениям.

² Бюджет Пентагона уже в 2002 году в 2,5 раза превышал военные расходы всех 15 стран, входивших тогда в Евросоюз, вместе взятых. США уже в то время тратили на армию больше, чем Россия, Великобритания, Франция, Германия, Япония и Китай, вместе взятые. Расходы Пентагона составляли еще на заре администрации Буша примерно \$1 млрд. в день. Теперь бюджет оборонного ведомства составляет примерно \$500 млрд. Если даже в этом случае американцы не могли направить достаточное количество войск в Ирак и Афганистан, значит, контрактная армия в принципе неспособна осуществлять операции, связанные с оккупацией таких стран. Статью Фредерика Кейгана, скорее, следовало бы озаглавить «Кризис людских ресурсов в *контрактных* вооруженных силах». Кризис этот представляется неизбежным, если перед такими вооруженными силами ставят задачи, которые они, по своей природе, не могут выполнить.

ПРОЩАЙ, ОРУЖИЕ

Поскольку от контрактной армии нельзя многого ждать, постольку на нее не следует и много тратить. Хотя и не без некоторого опасения впасть в чрезмерный оптимизм, можно предположить, что, если даже противостояние США с Советским Союзом в условиях наличия у обоих государств ядерного оружия в качестве сдерживающего фактора не закончилось войной, то и противостояние Соединенных Штатов с Китаем также обойдется без этой фазы. По всей видимости, борьба тоже будет идти в русле соревнования в эффективности социально-экономических систем с применением лишь косвенных методов для подрыва потенциала конкурента. Если так, сокращение расходов США на контрактную армию в рамках общего сокращения налогового бремени для стимулирования экономического роста было бы верным шагом.

Но не спровоцирует ли это потенциальных противников США на увеличение расходов на армию, ведь так конкуренты получают шанс хоть сколько-нибудь приблизиться к Америке? Во-первых, разрыв все-таки слишком велик (причем, по крайней мере, в отношении Европы, продолжает увеличиваться). Во-вторых, попытка какого-либо государства догнать США в военной области, скорее всего, приведет просто к разорению конкурента Вашингтона, особенно на фоне ожидаемого положительного эффекта, который сокращение военных расходов должно дать американской экономике. Есть и другой аспект. В случае значительного сокращения собственных вооруженных сил Вашингтон наконец-то получит моральное право призывать другие страны к ограничению военных расходов и мирному разрешению споров. Есть вероятность, хотя и небольшая, что, по крайней мере, какие-то государства задумаются над целесообразностью наращивания своего военного потенциала в ущерб экономике.

Что касается R&D, то их финансирование вряд ли стоит сильно сокращать, поскольку эффект от разработки военных технологий рано или поздно сказывается и на развитии гражданских отраслей. Кроме того, всегда остается опасность оказаться позади конкурентов в столь важной области, какой является разработка новых видов оружия. Экономить следовало бы на производстве вооружений, массовые масштабы которого вовсе не обязательны³. Достаточно иметь небольшое количество образцов, чтобы в случае необходимости наладить их широкое производство (что обычно и делалось прежде).

Вторая статья сокращения расходов—это, безусловно, собственно численность войск. Армия, насчитывающая почти 2 млн. 700 тыс. человек в мирное время, выглядела бы кошунством в глазах отцов-основателей США. Это явное попрание того образа демократической республики, который их вдохновлял. Реальной является опасность сращивания государственного аппара-

3 По данным Фредерика Кейгана, только цена 178 истребителей F-22, покупка которых запланирована Пентагоном, составляет \$63 млрд. (Kagan. Op. cit. P. 100).

рата, связанного с военными закупками, с частными компаниями, поставляющими вооружения. Это чревато не только коррупцией и неверными решениями по поводу характера самих закупок, но и локальными войнами, которые могут быть спровоцированы для оправдания грандиозных расходов на «оборону». Не говоря уже о перспективе разорения страны, как это произошло в случае с Советским Союзом. Но у последнего хотя бы был противник...

Американские войска в Персидском заливе обеспечивают бесперебойность поставок нефти, но зачем американские войска нужны в Европе, Японии и Южной Корее? Первую уже не нужно защищать от России, которая не в состоянии выйти из внутреннего кризиса и на кого-либо напасть, американские войска в Европе играют как раз на руку российским радикалам. Для защиты Японии от Китая присутствие американских войск на японской территории вовсе не является необходимым, достаточно лишь обязательства Вашингтона нанести ядерный удар по Китаю в случае агрессии с его стороны, что делает вооруженный конфликт практически невозможным. То же относится и к обязательствам США по защите Южной Кореи от Северной. Пока что американские войска в регионе лишь дают аргументы «ястребам» в Пекине и Пхеньяне.

Причем, в случае ухода американских войск из Японии и Южной Кореи, эти страны будут зависеть от США не меньше, чем сегодня, поскольку потенциальная угроза для них от Китая и КНДР никуда не исчезнет. Отчасти это верно и для Европы, которая будет испытывать периодические приступы страха по поводу возрождения России и все равно продолжит оглядываться на Вашингтон. Что касается частных дел, можно усилить роль Японии в поддержке Тайваня для компенсации сокращения численности американских войск в Восточной Азии.

Даже Ближний Восток можно избавить от американского военного присутствия и решить тем самым неисчислимо количество проблем, если наконец всерьез заняться разработкой альтернативных источников энергии. Ведь легче уменьшить зависимость от ближневосточной нефти и, соответственно, от военного патрулирования региона, чем построить демократию в Ираке или Саудовской Аравии. Первое нелегко, зато второе в обозримой перспективе практически невозможно. В США, в частности, обсуждается план сокращения импорта нефти на 50% к 2025 году. Судя по тому, что его предложила сенатор Хиллари Клинтон в мае 2006 года, то есть в год выборов в Конгресс и незадолго до начала президентской кампании, его реалистичность может вызывать сомнения.

Однако о необходимости сокращать зависимость США от импортной нефти говорит и президент Буш. Может быть, ему не стоит делать два дела сразу — строить демократию на Ближнем Востоке (то есть насаждать проамериканские режимы для обеспечения бесперебойности поставок сырья и предотвращения попадания денег за эти поставки диктаторам и террористам) и в то же самое время пытаться избавиться от импорта нефти оттуда? Двигаться в обе стороны сразу слишком дорого. Для обеспечения энергети-

ческой безопасности США достаточно было бы достичь всего одну из этих целей. Иракский опыт уже показал невыполнимость первого плана в обозримой исторической перспективе. Не будет ли правильным начать постепенный вывод войск с Ближнего Востока, а сэкономленные на сокращении военных расходов деньги пустить на разработку новых видов топлива, чтобы уже больше туда не возвращаться и не вздрагивать каждый раз перед просмотром ближневосточных новостей?

Вывод основной части войск из указанных регионов действительно стал бы «революцией в военных делах» и позволил бы сэкономить неисчислимые суммы. Часть этих средств можно было бы потратить на удержание лучших кадров в контрактной армии, которая, в случае необходимости, превратится в костяк призывной. Хотя расходы на оборону составляют лишь около 4% американского ВВП, освобождение сотен тысяч (если не миллиона и более) людей из армии для производительной деятельности в экономике в условиях сокращения налогового бремени даст больший эффект, чем можно было бы ожидать, исходя лишь из подсчета средств, которые тратятся на их содержание в вооруженных силах.

Но как в отсутствии постоянной крупной сухопутной армии будет выглядеть американская внешняя политика? Так же, как она выглядела в недалеком прошлом и как все больше выглядит сейчас, несмотря на усилия неоконсерваторов и президента Буша. Необоснованное стремление к господству уступит место ставке на поддержание баланса сил. Стремление к господству само по себе не является проблемой, ведь без него американцы не захватили бы ту территорию, на которой теперь находятся сами США. Проблема возникает тогда, когда желание не совпадает с возможностями. А когда 4% населения мира собираются силой навязать свою волю остальным 96%, речь идет именно о таком несовпадении.

Наиболее разумной политикой для государства, в силу исторических причин неожиданно вырвавшегося вперед, представляется деятельность в направлении сохранения выгодного для себя баланса сил, а не навязывание своей воли всему остальному миру (что может привести лишь к истощению сил и краху). История дает многочисленные свидетельства в пользу правильности подобной политики для Соединенных Штатов. В частности, стратегические цели США на момент вступления в Первую мировую войну были весьма ограниченными. Речь шла не об установлении мировой гегемонии, а именно о восстановлении баланса сил в Европе, чему угрожала победа Германии. В Азии ослабление позиций Великобритании могло привести к дальнейшему усилению Японии, чего Вашингтон также не желал (хотя Япония тогда и входила в антигерманскую коалицию). Разумеется, США постарались сделать так, чтобы восстановление баланса сил в Европе и Азии произошло выгодным для них образом, но речь не шла о стремлении к одностороннему американскому доминированию. Последнее подразумевает чрезмерное расходование сил, иногда бессмысленное. Их наращивание может происходить и без военных кампаний, примером чему является Китай.

Пекин тоже мог бы включиться в нынешнюю борьбу с мировым исламизмом, поскольку заинтересован в глобальной стабильности для продолжения своего экономического роста и предотвращения попыток исламистов предъявить претензии на влияние среди мусульманского населения на западе страны. Однако он этого не делает, а ждет, пока США и исламисты ослабят друг друга в ходе своей непримиримой борьбы, ждет и фантастически быстро развивает свою экономику, тратя на оборону во много раз меньше, чем США. Выигрышная стратегия в этой триединой схватке между американцами, исламистами и китайцами за мировое лидерство, как это часто бывает, не в том, кто будет бороться активнее, а в том, кому удастся остаться в стороне и подождать, пока два других соперника расправятся друг с другом⁴. Если следовать этой точке зрения, то постепенно чаша весов склоняется в пользу Китая⁵.

ИЗОЛЯЦИОНИЗМ

Призывы к значительному сокращению численности американской армии, выводу основной части войск из Европы, Восточной Азии, с Ближнего Востока, несомненно, воспринимаются как изоляционистские. Такими они, в сущности, и являются. Но возможен ли изоляционизм в глобализирующемся мире, когда социальные проблемы в одном регионе трансформируются в атаки террористов в других? Может ли Америка позволить себе вывести войска оттуда, куда ей, возможно, не раз придется возвращаться для наказания террористов и тех, кто их укрывает, а также в целях обеспечения экономического развития этих отсталых регионов для снятия напряженности в них?

Во-первых, ни Европа, ни Восточная Азия, откуда в первую очередь и следовало бы вывести войска, не являются ни рассадниками терроризма, ни регионами, страдающими от нищеты. Во-вторых, попытка обеспечения социального прогресса на Ближнем Востоке, где действительно существуют подобные проблемы, посредством американских войск доказала свою контрпродуктивность в Ираке.

- 4 Наиболее успешно США использовали такую стратегию в ходе Первой мировой войны, в которую вступили лишь в 1917 году, когда Антанта и Германия с ее союзниками исчерпали свои силы. Подобным образом Вашингтон поступил бы и во Второй мировой войне, предоставив коммунистам и нацистам истреблять друг друга, если бы нападение Японии не вынудило США отказаться от нейтралитета.
- 5 Подобные размышления не имеют отношения к России. Она не может самоустраниться и подождать, когда США, Китай и исламисты ослабят друг друга, ведь РФ как раз и является полем битвы между ними (хотя и не она одна). Москве нужно выбирать какую-то сторону, причем претензии исламистов на российские территории на Кавказе и потенциальные китайские притязания на Дальний Восток оставляют немного сомнений в том, какой выбор будет правильным. Малочисленную сухопутную армию России, в отличие от США, также не может себе позволить ввиду наличия сухопутной границы с Китаем.

Для борьбы с «Аль-Каидой» куда разумнее было бы сделать ставку на союз с шиитским Ираном (суннитские радикалы считают шиитов еретиками и собираются уничтожить), чем на присутствие американских войск в регионе, где контрактная армия все равно не может ничего принципиально изменить. Если США сумели достичь примирения с Вьетнамом⁶ после страшной войны, унесшей десятки тысяч жизней американцев, то почему необходимо считать инцидент с захватом в заложники американцев в Иране в 1979 году фактом, делающим примирение с Тегераном невозможным?

Комиссия Бейкера-Гамильтона, изучавшая ситуацию в Ираке, уже предложила возобновить диалог с иранскими властями по вопросам безопасности в регионе. Как напомнил Джеймс Бейкер, США много лет вели переговоры с Советским Союзом, стремившимся их уничтожить. Почему нельзя начать конструктивные переговоры с Ираном? Разговаривать, по справедливому замечанию бывшего госсекретаря, следует не только с союзниками, но и с противниками. Для этого и существует дипломатия. Вашингтону следовало бы вспомнить, что нет никакой необходимости делать все самому, тем более, если для этого нет и возможности. Если на кого-то можно переложить часть функций по поддержанию стабильности в различных регионах мира, то так и следует поступить.

Лишь два крупных государства однозначно одобрили казнь Саддама Хусейна — США и Иран. Между двумя странами нет экономического соперничества, обострение отношений вызвано лишь ни чем не обоснованным отказом администрации Буша признать усиление позиций Тегерана в регионе, которое обусловлено объективными факторами. Иран вполне может играть стабилизирующую роль на Ближнем Востоке, поскольку нестабильность способна подорвать его собственную целостность, ведь проблема иранских курдов и азербайджанцев может обостриться в любой момент.

У Ирана нет действительных причин нападать на Израиль и тем более перекрывать Ормузский пролив, по которому перевозится нефть из Персидского залива, если только США сами не объявят Тегерану войну. Иранское правительство могло направить тысячи добровольцев в Ливан во время последней войны с Израилем, но не направило никого, оно могло бы оказывать куда большую помощь радикальным шиитским организациям в Ираке, но оно ее не оказывает, оно могло бы объявить о выходе из договора о нераспространении ядерного оружия, но оно об этом не объявляет. Почему? Ликвидация Израиля привела бы к усилению арабских государств, прилегающих к нему, которые с недоверием смотрят на шиитскую персидскую теократию Ирана. Развал Ирака позволил бы курдам создать независимое государство и осуществлять подрывную деятельность в иранском Курдистане. А открытое пренебрежение Тегерана нормами нераспространения ядерного оружия привело бы к дальнейшему осложнению отношений с Европой, а с ней иранское правительство хотело бы сотрудничать.

⁶ США отменили сохранявшееся 19 лет эмбарго на торговлю с этой страной еще в феврале 1994 года.

Иран слишком заинтересован в региональной стабильности, чтобы выступать в качестве «поджигателя войны», в роли, которую администрация Буша, сама осуществившая акт агрессии в Ираке и дестабилизировавшая регион, несколько лет безуспешно пытается ему приписать. То же относится и к Северной Корее, чей режим заинтересован лишь в собственном выживании, а не в мировом господстве.

В прошлом осторожность и осмотрительность во внешней политике были отличительной чертой американского правительства и населения страны. Например, лейтмотивом избирательной кампании президента Вудро Вильсона в 1916 году был лозунг: «Он удержал нас от войны», от Германии требовалось лишь уважение американского нейтралитета. Однако на следующий год тот же Вильсон вступил в войну, причем без каких-либо печальных последствий для себя, несмотря на смену курса на 180 градусов. Причиной принятия такого решения, как полагают историки, стало истощение материальных и людских ресурсов обеих воюющих группировок (Антанты и Германии с союзниками). Теперь США могли диктовать условия, не опасаясь колоссальных жертв (погибло 115 тысяч американцев, немцев — 2 миллиона).

Заметим, что к моменту вступления в войну (апрель 1917 года) американская армия выглядела весьма скромно. Она насчитывала немногим более 100 тысяч человек. Не было ни полноценной системы подготовки резервов, ни системы воинского учета, техническая база была

слабой (для тренировок вместо винтовок солдатам приходилось поначалу использовать деревянные макеты). Опыт офицерского корпуса был ограничен карательными экспедициями в Латинской Америке. Иными словами, американскую сухопутную армию еще только предстояло создать. Тем не менее именно вступление США в войну делало положение Германии и ее союзников практически безнадежным, ведь Америка обладала огромным экономическим и людским потенциалом. В 1913 году на США приходилось больше трети мирового промышленного производства (на Германию — менее 16%), только за первые 15 лет XX века в страну иммигрировали свыше 13 млн. человек. Колоссальный объем экономики и большую численность населения США можно было трансформировать в сильную армию. А вот Германии использовать сильную армию для развития экономики и увеличения численности населения за счет захвата соседних стран не удалось.

Принятый в Америке в мае 1917 года закон о воинской повинности, хотя и не предусматривал тотальной мобилизации (призывники отправлялись в армию по жребию), все же позволил к концу войны увеличить численность армии до 4,8 млн. человек, из которых порядка 2 млн. были переправлены в Европу. Во время Второй мировой войны вооруженные силы США насчи-

**РАЗГОВАРИВАТЬ СЛЕДУЕТ
НЕ ТОЛЬКО С СОЮЗНИКАМИ,
НО И С ПРОТИВНИКАМИ.
ДЛЯ ЭТОГО И СУЩЕСТВУЕТ
ДИПЛОМАТИЯ**

тывали уже 15 млн. человек, в 1940–1942 годах США произвели больше вооружений, чем все страны антигитлеровской коалиции вместе взятые.

С точки зрения слабости своей сухопутной армии на момент начала Первой мировой войны США не являлись исключением. Другим поразительным примером была Великобритания, политический лидер тогдашнего мира. Сухопутная армия там была создана лишь незадолго до войны, причем, как уже отмечалось, до 1916 года правительство отдавало предпочтение призыву добровольцев. Более того, Генеральный штаб армии появился у Великобритании лишь за десять лет до начала войны, до этого долгосрочное военное планирование отсутствовало.

То, что именно США и Великобритания могли долго обходиться без крупных сухопутных армий и связанного с ними призыва, объясняется, очевидно, их географическим положением. Моря и океаны отделяют эти страны от потенциальных противников. Форсировать Ла-Манш не решились ни Наполеон, ни Гитлер. О вражеских десантах на территорию США речь также не шла. Однако вместо того, чтобы использовать столь благоприятное положение дел и сокращать военные расходы, нынешняя администрация в Вашингтоне продолжает говорить о необходимости увеличения численности войск.

Близкой к идеалу является ситуация, при которой высокоточное американское оружие дополняется на театре военных действий местными сухопутными вооруженными формированиями, такими, как хорватские части в Боснии в 1995 году или войска Северного альянса во время последней афганской кампании. В обоих случаях речь шла о коалиции, в составе которых контрактные американские вооруженные силы только и могут действовать. Ведь как только они остаются один на один с противником, например, как сейчас в Ираке (последние союзники вот-вот уйдут и новых не появится), выясняется, что численности собственно американских войск никак не хватает для победы (хотя вклад союзников и ранее был невелик).

Интересен опыт англичан, создававших в Индии военные части из местного населения. Из афганских племен и сейчас, наверное, можно было бы сформировать целую армию с затратами, несоизмеримо меньшими, чем те, которые необходимы для снаряжения американских контрактных частей. Нечто подобное американские инструкторы, видимо, пытаются сделать в Ираке, не подвергая, впрочем, сомнению суверенитет местного правительства над собственной армией (хотя дееспособность иракского правительства и вызывает сомнения). А в том случае, когда противник по-настоящему силен и компромисс невозможен, без частичной мобилизации населения метрополии все равно не обойтись.

О РАЕ И БЕССИЛИИ

Всегда есть что-то поверхностное в простом подсчете дивизий, сравнении типов вооружений и принципов комплектования вооруженных сил. Если бы дело было лишь в этом, войны выигрывались бы при помощи одних кальку-

ляторов, и противник всегда отступал, получив известие о превосходстве вражеских сил. Однако история сохранила немало свидетельств о странном оцепенении, вдруг охватывающем неисчислимые армии. Советская армия, способная покорить мир, перестала существовать в несколько дней, не сумев предотвратить даже развал собственной страны. Римские легионы отдали империю варварам, которых еще недавно обращали в рабов, войска половины мира не помогли Дарию остановить македонцев и греков. Причины у этих исторических событий разные, настораживает, что результат один — превосходство в численности и вооружении не всегда позволяет добиться превосходства в силе, природа которой до конца не ясна.

Наблюдатели обращают внимание на несоответствие видимой военной мощи США и результатов, которые достигла их армия в Афганистане и Ираке. В первом возрождается талибан и продолжает скрываться бен-Ладен, во втором ситуация заметно ухудшилась с тех пор, как там появились американцы. Если даже ввести призыв, можно ли окончательно разгромить талибов и стабилизировать Ирак? Вопрос открыт, и ответа нет.

В статье Кристофера Лейна с симптоматичным названием «Бессильная сила? Переоценка природы американской гегемонистской силы»⁷ ставится вопрос не только о неудачах Вашингтона в Афганистане и Ираке, но и о неспособности США провести свою линию в отношении Северной Кореи и Ирана. Одна из этих стран уже разработала ядерное оружие, другая может это сделать в ближайшие годы. Администрация Буша считает причиной обострения ситуации на Корейском полуострове излишнюю уступчивость внешнеполитического ведомства Клинтона, пошедшего на компромисс с Пхеньяном. Критики самого Буша указывают на его чрезмерную жесткость как источник всех бед. Не трудно, однако, заметить, что никакая линия Вашингтона, ни жесткая, ни мягкая, в отношении КНДР не сработала. Можно также вспомнить пример из середины 90-х, когда американские части ничего не смогли добиться в Сомали и вынуждены были эвакуироваться оттуда.

Недавняя война в Ливане стала еще одним свидетельством в пользу того, что ни численность армии, ни ее вооружение не могут сами по себе обеспечить победы. Предполагается даже, что неудача израильтян в войне с «Хезболлах» стала важным аргументом противников начала кампании против Ирана в администрации Буша. Но почему богатые страны проигрывают бедным? Ставший обычным ответ состоит в том, что войны эти, как правило, носят партизанский и полупартизанский характер, а в такой войне западные армии не могут долго участвовать, поскольку, с одной стороны, противника трудно победить цивилизованными методами (не истребляя местное население, поддерживающее партизан), и, с другой, первые же крупные

7 Christopher Layne, "Impotent Power? Re-examining the Nature of America's Hegemonic Power". *The National Interest*. No 85 (Sept./Oct. 2006): 41–47. Автор также отмечает, что нынешние размеры американской армии не соответствуют тем обязательствам, которые США имеют по всему миру, их вооруженные силы слишком малы для этого (Р. 46). В действительности же слишком велики их обязательства.

потери (и даже некрупные) заставляют население метрополии требовать вывода войск. К этому добавляют, что подобные войны не имеют жизненной важности для метрополии (иначе бы получалось, что западные государства просто нежизнеспособны). Объяснение выглядит разумным, хотя аргумент, согласно которому лучше проиграть, чем нести большие потери, использовался и правительством Виши в оккупированной нацистами Франции. Где тут невидимая грань, которую нельзя переступать, не всегда ясно.

Можно, однако, высказать предположение, согласно которому экономическое процветание страны способствует усилению ее вооруженных сил лишь до какого-то момента, после чего стремление к комфорту начинает перевешивать, и римляне предпочитают сдавать одну провинцию за другой, поскольку в этой логике данное решение является очевидным. Понятное намерение американских властей улучшить материальное положение военнослужащих для предотвращения утечки кадров (так называемые *quality-of-life initiatives*, предложенные Бушу военным руководством) выглядит как-то странно. Разве стремление к материальному комфорту заставляет людей идти в армию? И чем же можно компенсировать возможность потерять жизнь?

Многолетнее экономическое процветание порождает трудноразрешимое противоречие — чем лучше жизнь в стране, тем меньше желающих покидать этот рай для обороны границ. В конце концов, чтобы привлечь добровольцев, приходится платить им так много, что легче сдать врагу⁸. Ввести всеобщий призыв уже нельзя, ведь это несовместимо с постулатами общества потребления, в соответствии с которыми жить надо только для себя. Не из-за этого ли римляне в конечном итоге решили нанимать варваров для защиты своих рубежей, а потом и вовсе сдать им?

Античные демократии во времена расцвета отличались простотой быта, которую в более поздний период римские законы тщетно пытались вернуть. Разве стремление населения страны лишь к материальному комфорту совместимо с существованием у нее по-настоящему сильной армии? Ведь дело не только в людях, которых все труднее привлечь на оборону границ. Для этого нужны и деньги, а их уже нет, ведь иначе бы увеличение оборонных расходов не приводило к образованию огромного дефицита федерального бюджета. А ведь еще существует дефицит торгового баланса, то есть США попросту не производят столько, сколько можно было бы продать за границу для компенсации импорта. Как напоминает Кристофер Лейн, не только этот двойной дефицит является опасным симптомом. Промышленный сектор Соединенных Штатов постоянно сжимается, поскольку производить товары легче в Китае и Индии, чем в стране, когда-то бывшей оазисом свободного капитализма. Причем специалистов высокой квалификации также все легче становится найти за пределами США. Доходы американского сред-

8 Невозможность набрать в армию достаточно добровольцев для оккупации Ирака и Афганистана при военном бюджете в полтриллиона, не является ли это примером именно такой ситуации?

него класса не растут с начала 1970-х. Сбережений американцы теперь предпочитают не откладывать, а тратят все сразу и еще остаются в долгу у банков. Народ, который не господствует над собственным кошельком, вряд ли подходит для господства над миром.

В целом в современных США наблюдается перенос общественного внимания с того, как заработать деньги, на то, как их потратить, чтобы лучше провести время. Пуританская этика, в основе которой лежали самоограничение и трудолюбие, умирает, а с ней умирает и Америка, поскольку на этой этике она и была основана. Веселая жизнь американцев вряд ли могла бы продолжаться, если бы Соединенные Штаты не импортировали капитал в огромных количествах, причем место основного кредитора США, вытесняя Японию, постепенно занимает Китай, главный и единственный потенциальный противник Вашингтона в обозримой перспективе⁹. Китай — кредитор США! Каким же бредом это могло показаться еще несколько десятилетий назад. Администрация Буша гордится тем, что снижает налоги. Но, повышая при этом военные расходы, она ставит страну в зависимость от притока иностранного капитала, все больше китайского. И Америка собирается оставаться мировым гегемоном и даже, по замыслу неоконсерваторов, усилить позиции в мире, содержать свои армии в Европе и Азии? Американцы проматывают родительское наследство, и фамильное серебро уже продано.

Не является ли все это куда более реальной причиной упадка американских вооруженных сил, чем все нынешние претензии к ним вместе взятые, включая вопросы комплектования? Разве противник сталкивается с подобными проблемами, разве думали 19 человек, совершившие теракты 11 сентября 2001 года и нанесшие США удар, сопоставимый с атакой целой вражеской армии, о чем-нибудь, кроме своего дела? Не тут ли кроется причина, из-за которой столько лет не удается уничтожить бен-Ладена? Девятнадцать человек стали армией, а армия не победила одного. Это похоже на пророчество апокалипсиса.

Разве проблему можно решить увеличением расходов на американские вооруженные силы? Разве необходимость увеличения этих расходов не является как раз следствием самих проблем? Война по природе своей нерацио-

9 Нынешнее положение США можно сравнить с ситуацией, в которой в 1970–1980-е годы, оказался Советский Союз, живший за счет продажи сырья западным странам и при этом утверждавший, что борется с империализмом. Пришло время и американцам вспомнить про то, что экономика должна быть экономной. Видимо, причина такого совпадения в том, что в СССР в 1970–1980-е годы также появилось поколение, нацеленное лишь на потребление, а это оказалось несовместимым с существованием великой страны. Высмеивание культа жертвенности перед распадом Союза («Омон Ра» Виктора Пелевина появился как раз в 1991 году) напоминает атмосферу, характерную для современной американской массовой культуры. Например, фильм Пола Верховена «Звездная пехота» (1997) по одноименной книге Роберта Хайнлайна был снят с очевидным юмористическим подтекстом, высмеивающим повесть 1959 года, посвященную как раз прославлению гражданских и военных добродетелей, а также готовности к самопожертвованию.

нальна, связана с глубинными человеческими инстинктами, с мистическими представлениями о смерти и загробном мире, с верой во что-то превосходящее человеческую жизнь. Без этих качеств армия может воевать, но вот побеждать — вряд ли. Обычная математика здесь неприменима, мотивация не может быть до конца изучена. Ясно, по крайней мере, что эта мотивация не носит исключительно материальный характер, поскольку дополнительные бонусы не взять на тот свет.

Кристофер Лейн, кроме того, полагает, что вопрос о том, тратить ли средства на поддержание крупных вооруженных сил для сохранения доминирования в мире или направить их на социальные программы и потребление, актуален для США лишь в краткосрочной перспективе. Нагрузка, которую военные расходы оказывают на экономику, рано или поздно должна ее подкосить, в результате чего сократятся расходы на армию, и поддерживать доминирование все равно будет невозможно¹⁰. Представляется, однако, что однозначное ориентирование общества на потребление само по себе является проблемой. Если сейчас это потребление становится несовместимо с доминированием в мире, то вскоре оно может стать несовместимо уже с защитой собственной территории и подлинных интересов. Именно это имело место в случае с Римской империей, отступление которой из Британии окончилось у стен вечного города. И наоборот, Америка в ее прежнем виде, до общественной революции 1960-х, смогла стать самой сильной державой мира, не подорвав свою экономику.

Каков самый наглядный признак приближающегося упадка? Критическим пунктом, после которого цивилизация начинает отступать, видимо, является строительство стены для защиты империи от варваров. Ведь до этого, наоборот, варварам приходилось защищаться, а империя росла. Решение американского правительства построить стену на границе с Мексикой свидетельствует о том, что США уже миновали свой зенит. В XIX веке сама Мексика не знала, как защититься от северного соседа, а теперь этот сосед испытывает панический страх даже не перед вражеской армией, а перед иммигрантами, которых уже достаточно для расшатывания государства. Та же перемена произошла с Израилем, обладающим сильнейшей армией в регионе, но тоже воздвигающим стену, хотя еще многие помнят, как его танки стояли у Суэца.

Военная сила не может предотвратить упадок так же, как она сама по себе не в состоянии обеспечить жизнеспособность государства, чему недавняя гибель советской империи стала еще одним подтверждением. Североамериканские колонии выиграли войну за независимость против всемогущей Великобритании, хотя до начала этой войны никакой армии у них не было. Не было даже флага, под которым она могла бы сражаться. Однако была готовность к жертвам, и было дело, которое стоило защищать. Если нет этого, все остальное теряет значение. Тогда огромные армии сдаются без боя и отступают все дальше, пока не исчезнут наконец во мгле веков.

¹⁰ Christopher Layne, *Op. cit.* P. 46.